

ЭТНОКУЛЬТУРНОЕ ПОГРАНИЧЬЕ И ИДЕНТИТЕТ: ВЗГЛЯД С ПОЛЬСКОЙ СТОРОНЫ

Анализируются теоретико-методологические подходы к проблеме этнокультурного пограничья, оформившиеся в польской этносоциологии, а также некоторые результаты исследования идентитета белорусского населения Восточного пограничья Польши.

Данная статья является второй из цикла статей, посвященных особенностям исследовательских позиций по отношению к белорусско-польско-литовскому пограничью. Первая статья из названного цикла опубликована в № 7 “Весніка Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта культуры і мастацтваў”, вышедшего из печати в мае 2007 г.

Пограничная проблематика является одним из ведущих направлений польской социологии, культурной антропологии и этнологии последних двух десятилетий. Она предопределена особенностями географического местоположения страны, которая граничит с Германией, Чехией, Словакией, Украиной, Беларусью и Россией. В приграничных воеводствах страны исторически проживают компактные группы национальных и этнических меньшинств. По действующему с 2005 г. законодательству таковыми признаны белорусы, украинцы, чехи, немцы, литовцы, армяне, русские, словаки, евреи (национальные меньшинства), караимы, лемки, цыгане, татары (этнические меньшинства), кашубы (языковое меньшинство) [3, с. 345]. Составляя по данным переписи населения 2002 г. лишь 471,5 тыс. человек, или 1,23%, населения страны (Польша относится к числу наиболее мононациональных государств Европы), они обладают собственным идентитетом и культурными особенностями [3, с. 347].

Систематическая работа по изучению этнокультурных пограничий, судя по хронологии публикаций, стала вестись в Польше после 1989 г. Ее актуализация была предопределена рядом факторов, прежде всего сменой политических парадигм в национальном вопросе. В ситуации всесторонней социально-экономической трансформации страны, ее вхождения в структуры Евросоюза, утверждения либерально-демократических ценностей произошел отказ от политики “однациональности”, проводившейся в государстве в предшествующие десятилетия и приведшей к утверждению “ассимиляционно-аккомодационного” типа межэтнических отношений [6, с. 163]. Анализируя новую исследовательскую ситуацию, в фокусе которой оказались этнокультурные процессы польских пограничий, М. Беньковска-Пташник связывает ее со стремлением национальных меньшинств “противодействовать ассимиляции, формировать свою субъектность, участвовать в процессах этнической институционализации и стимулировать эти процессы” [4, с. 68]. В результате польское общество оказывается перед альтернативой “культурной дифференциации” и “культурного плюрализма”, и именно эта альтернатива открывает широкие исследовательские перспективы.

Осуществляемые польскими социологами и культурными антропологами исследования этнических и национальных процессов, особенностей и динамики культурной идентификации на национальном и региональном уровнях, специфики их проявления в ситуации этнокультурного пограничья представляют серьезный научный интерес. “Польский взгляд” на пограничную проблематику достаточно оригинален, не сводим к экстраполяции известных западных моделей и не получил пока в отечественных публикациях адекватного резонанса. Аналитический подход к содержанию взгляда “с польской стороны” на пограничную проблематику важен и в том отношении, что он позволяет сопоставить результаты исследований пограничья, проводимых учеными Польши, Беларуси и Литвы, выявить как общие тенденции его функционирования, так и его региональные и локальные особенности. Восполнить этот пробел – цель данной статьи, разумеется, в той мере, в какой позволяет ее формат.

В Польше исследования этнокультурной проблематики вообще, пограничной в частности, ведутся в ряде научных центров, в том числе и региональных. Такими центрами являются Варшавский (Е. Смулкова, А. Енгелькинг), Ягеллонский (Г.

Бабинский) и Познаньский (Х. Мамзер, В. Буршта) университеты, Высшая социально-экономическая школа в Тычине (В. Желязны), институты социологии университетов в Лодзи (З. Бокшаньский, А. Клосковска) и Белостоке (А. Садовский, В. Павлючук, М. Беньковска-Пташник, Е. Никиторович) и др. Основными объектами проводимых в этих центрах исследований являются польско-немецкий [7], польско-чешский [8], польско-украинский [1] пограничные ареалы. Что касается *польско-белорусско-литовского пограничья*, эта область является объектом этносоциологических исследований, проводимых, главным образом, сотрудниками Института социологии Белостокского университета. На протяжении ряда лет в институте разрабатываются исследовательские темы, связанные с пограничной проблематикой (“Мультикультурализм и пограничье в перспективе процессов интеграции и глобализации”, “Малые родины – традиция для будущего” и др.) [13, с. 122; 5, с. 39–40].

Итогом работы, выполненной его коллективом в течение последних пятнадцати лет, стали:

- институализация “социологии пограничья” как субдисциплины, оформление ее предмета, понятийного аппарата и исследовательского инструментария;
- анализ этнокультурного состава населения Восточного пограничья и особенностей самоидентификации проживающих в регионе национальных групп;
- изучение идентитета польского меньшинства в ситуации взаимодействия с большинством (белорусским, литовским, украинским) в пограничных регионах сопредельных с Польшей государств;
- обоснование специфики и типологии межкультурных контактов в пограничье;
- исследование различных уровней функционирования пограничья, в том числе локального (гмина, пограничный город) и регионального (воеводство), в их взаимодействии с национально-государственным, общеевропейским и глобальным;
- выявление особенностей семейной социализации в ситуации пограничья.

Результаты исследовательской работы по этим направлениям отражены в монографических публикациях, в издаваемом с 1992 г. журнале “Pogranicze” (“Пограничье”), в тематических сборниках научных статей, в том числе по итогам проводимых Белостокским университетом конференциях по пограничной проблематике.

Исследования пограничья носят междисциплинарный характер и включают культурологический, исторический, социально-психологический и иные аспекты. В известном смысле они аккумулируются социологией пограничья как “социологической субдисциплиной, которая занимается исследованием на пограничьях социально-культурных контактов, складывающихся между двумя или большим числом соседних народов (этнических групп), цивилизаций и их последствий в виде формирующейся там (или существующей) социально-культурной (экономической, политической и т.д.) реальности” [12, с.13].

Предмет социологии пограничья включает три содержательных компонента: территориальный (пограничье как территория, находящаяся у границы либо удаленная от центра; социокультурный (пограничье как сложившийся в пространстве социально-культурный контакт между двумя или большим числом народов или этнических групп); личностно-культурный (пограничье как место формирования особого типа человека, “личности пограничья”, и его культуры). Вокруг этих компонентов формируются теория пограничья, ее понятийный аппарат и исследовательская проблематика.

Исходным в социологии пограничья является само понятие *пограничье*. Его определения различаются в деталях, но совпадают в главном. Наиболее емким и содержательным представляется определение пограничья, данное А. Садовским: “Я рассматриваю пограничье как пространство, на котором имеют место устойчивые формы социально-культурных контактов между двумя или большим числом соседних наций, национальными меньшинствами либо этническими группами, не являющимися нациями, а также их последствия в виде существующей там социально-культурной реальности. Характерной чертой этнических пограничий являются различные формы культурных контактов, которые для простоты можно определить как этнические отношения” [9, с. 11].

Это определение сразу же порождает вопрос о соотношении понятий *пограничье* и *приграничье*. На первый взгляд они кажутся тождественными, однако более тщательный

анализ показывает, что это не так. По А. Садовскому, термин “приграничная область” применяется для обозначения территорий, расположенных вблизи границы и выделяемых на основе географических (непосредственная пространственная близость к границе), административных (административно-экономическая организация регионов, расположенных вблизи границы) и, это главное, социально-культурных (наличие контактов между представителями двух или большего числа народов) критериев [10, с. 7–8]. Их комбинации предопределяют типологию пограничных регионов. Пограничье совпадает с приграничьем, если там имеется этнокультурный контакт между “большинством” и “меньшинством” (“внутреннее пограничье”) либо трансграничный контакт между народами соседних стран (“внешнее пограничье”). Этнокультурное пограничье не совпадает с приграничным пространством, если последнее этнически гомогенно и примыкает к “закрытым”, непроницаемым границам, либо если область межкультурного контакта формируется не в приграничных, периферийных регионах, но в центре страны. Однако, поскольку политические и этнокультурные границы, как правило, не совпадают, этнокультурное пограничье формируется чаще всего именно в приграничном регионе. Соотношение этих понятий имеет существенное значение для определения объекта пограничных исследований.

В польской литературе приняты различные термины для обозначения топоса Восточного пограничья: “Белосточчина” (в границах бывшего Белостокского воеводства до административной реформы), “Зеленые легкие Польши”, “Подляшье”, “Северо-восточная часть Подляшского воеводства” и др. Исследуемый польскими учеными регион по своей структуре является полиэтническим (полинациональным) и поликонфессиональным. Национальные меньшинства (главным образом белорусы) составляют 55,2 тыс., или 4,6 %, населения Подляшского воеводства [3, с. 352], причем проживают они достаточно компактно, образуя “территориальные общности”. В некоторых гминах количество белорусского населения колеблется от 40 до 80 %. Белорусы Восточного пограничья квалифицируются как группа с относительно низким уровнем социальной мобильности и выраженной привязанностью к “родной местности”. Тем не менее заметна прослойка белорусского населения городов (в Белостоке – 7,4 тыс. чел.) [3, с. 353].

Переплетение этнического и конфессионального факторов предопределило сложность исследования этносов и их границ. В известной мере этнические и конфессиональные границы в регионе совпадают, однако реальная картина этнокультурной структуры оказывается гораздо сложнее и многообразнее. Исходным критерием этнической дифференциации и выявления этнической структуры является самоидентификация. А. Садовский пишет о том, “что национальная принадлежность в конечном итоге является самосознанием индивида, его самодекларацией в вопросе о национальной принадлежности” [11, с. 16]. В качестве основ национального идентитета полагаются четыре фактора: осознание связи с группой, язык, вероисповедание и политическая принадлежность. Их различные конфигурации дают представление о типах самоидентификации жителей пограничного региона. Исследования Восточного пограничья позволяют выявить не только типологию идентичности его жителей, но и ее динамику.

На протяжении достаточно долгого времени, и это зафиксировали исследования Восточного пограничья, проведенные в 1980-е гг., первичным идентификационным фактором в этом ареале оставалась конфессиональная принадлежность, а основной культурный водораздел проходил между православными и католиками. С этой точки зрения Белосточчина оценивалась А. Садовским как двуконфессиональный регион. В границах православной общности им обоснованы следующие идентификационные категории: православные (лица, которых связывают реальные религиозные отношения с семьей и православной средой), православные поляки (выраженное чувство государственной принадлежности при сохранении чувства этнической и религиозной принадлежности как вторичного), поляки православного происхождения (сочетание глубокой связи с Польшей и ее культурой при одновременном осознании связей с этнической белорусской культурой), польские белорусы (лица, определяющие себя в качестве белорусов, однако существенно отличающиеся от белорусов Востока), белорусы

в Польше (лица, осознающие себя частью белорусского народа, проживающего в Польше). Существует еще промежуточная (маргинальная) категория, которую можно определить как поляки-белорусы [11, с. 19].

В целом этос православной среды имел преимущественно ассимиляционный характер, что проявлялось в слабой привязанности к собственной этнической идентичности и стремлению к более тесным связям с поляками как доминирующей группой и к функционированию в гомогенном, национально недифференцированном сообществе [11, с. 20].

Прошедшие полтора десятилетия выявили динамику национальной идентичности, которая проявилась, помимо прочего, в заметной смене идентификационных основ. В отличие от результатов предыдущих исследований заметны снижение значимости религиозного фактора как основы групповой самоидентификации и его вытеснение собственно национальным фактором. Анализируя итоги этого исследования, М. Барвинский пишет, что в Подляшском воеводстве «однозначно доминировали три категории этнической принадлежности: поляки, белорусы и “тутэйшыя”. Интересным и в определенной степени неожиданным результатом исследований оказался высокий показатель тех, кто определял себя как “тутэйшыя”» [2, с. 75]. В этой связи актуализируется “локальная” проблематика пограничных исследований, связанная с понятием “малая родина”.

Подводя итоги пятнадцатилетним исследованиям Восточного пограничья, А. Садовский характеризует следующие тенденции в среде белорусского меньшинства, определяемые им как стратегии: ассимиляция; стремление скрыть внешние формы собственной национальной принадлежности и подменить их иными формами идентитета (религиозного, регионального, локального и даже корпоративного); стратегия поиска специфических ниш для самореализации в качестве меньшинства, разделяющего ценности большинства; институальное вхождение в структуры большинства; стратегия “инструментального” отношения к культурным различиям с целью использования их как козыря в развитии Белостока [14, с. 22].

В целом этнокультурная ситуация в ареале Восточного пограничья Польши свидетельствует о постепенном переходе от ассимиляционного типа межкультурных контактов “культурно дифференцированного” общества к обществу “культурного плюрализма”, в котором “доминирующая группа признает культуры меньшинств, создает условия для их партнерского развития (свобода и равенство культур меньшинств) и содействует усилиям самих групп культурных меньшинств в направлении развития собственных культур” [9, с. 23].

Дальнейшие исследования Восточного пограничья определяются тремя перспективами: изучением локальных (региональных) идентичностей, разделяющих народы (пограничье как “буфер”); изучением контактов национальных культур (пограничье как “мост”) и изучением цивилизационных границ (пограничье как “столкновение цивилизаций”) [9, с. 16].

1. *Babiński, G.* Pogranicze polsko-ukraińskie. Etniczność, zróżnicowanie religijne, tożsamość / G. Babiński . – Kraków: NOMOS, 1997.

2. *Barwiński, M.* Struktura narodowościowa i językowa mieszkańców północno-wschodniej części wojewódstwa podlaskiego. Porównanie wyników badań terenowych i narodowego spisu powszechnego / M. Barwiński // Pogranicze: Studia Społeczne. – Białystok, 2005. – Т. 12.

3. *Barwiński, M.* Liczebność i rozmieszczenie mniejszości narodowych i etnicznych w Polsce w 2002 roku a wcześniejsze szacunki / M. Barwiński // Obywatelstwo i tożsamość w społeczeństwach zróżnicowanych kulturowo i na pograniczach / red. M. Bieńkowska-Ptasznik, K. Krzysztofek, A. Sadowski. – Białystok: Uniwersytet w Białymstoku. Instytut Socjologii, 2006. – Т. 1.

4. *Bieńkowska-Ptasznik, M.* Otwartość na wielokulturowość na przykładzie północno-wschodniego pogranicza Polski po 1989 roku / M. Bieńkowska-Ptasznik // Pogranicze: Studia Społeczne. – Białystok, 2003. – Т. 9.

5. *Bieńkowska-Ptasznik, M.* Przestrzeń w małej ojczyźnie na przykładzie działań podejmowanych przez społeczności lokalne w trakcie realizacji programu „Małe ojczyzny –

tradycje dla przyszłości” / M. Bieńkowska-Ptasznik // *Pogranicze: Studia Społeczne.* – Białystok, 1998. – T. 7.

6. Czykwin, E. Białoruska mniejszość narodowa jako grupa stygmatyzowana / E. Czykwin. – Białystok: *Trans humana*, 2000.

7. Kurcz, Z. Janusowe oblicze pogranicza polsko-niemieckiego / Z. Kurcz // *Sprawy narodowościowe.* – Poznań, 2001. – Zeszyt 19.

8. *Poczucie tożsamości narodowej młodzieży: Studium z pogranicza polsko-czeskiego* / red. T. Lewowicki. – Cieszyn: Uniwersytet Śląski. Filia w Cieszynie, 2004.

9. Sadowski, A. Harmonia i konflikty na pograniczach / A. Sadowski // *Pogranicza etniczne w Europie: harmonia i konflikty* / red. K. Krzysztofek, A. Sadowski. – Białystok: Uniwersytet w Białymstoku. Instytut Socjologii, 2001.

10. Sadowski, A. Od miast przygranicznych do miast pogranicza (na przykładzie miast obwodu przygranicznego Wschodniej Polski / A. Sadowski // *Pogranicze: Studia Społeczne.* – Białystok, 1996. – T. 5.

11. Sadowski, A. Skład wyznaniowy i narodowościowy mieszkańców północno-wschodniej Polski (obszaru „Zielone Płuca Polski”) / A. Sadowski // *Pogranicze: Studia Społeczne.* – Białystok, 1992. – T. 2.

12. Sadowski, A. Socjologia pogranicza / A. Sadowski // *Wschodnie pogranicze w perspektywie socjologicznej* / red. A. Sadowski. – Białystok: Uniwersytet Warszawski. Filia w Białymstoku, 1995.

13. Sadowski, A. Socjologia w Białymstoku. Elementy tradycji i stan obecny / A. Sadowski // *Pogranicze: Studia Społeczne.* – Białystok, 2000. – T. 9.

14. Sadowski, A. Obywatelstwo i tożsamość w społeczeństwach zróżnicowanych kulturowo / A. Sadowski // *Obywatelstwo i tożsamość w społeczeństwach zróżnicowanych kulturowo i na pograniczach* / red. M. Bieńkowska-Ptasznik, K. Krzysztofek, A. Sadowski. – Białystok: Uniwersytet w Białymstoku. Instytut Socjologii, 2006. – T. 1.